

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

А.И. Корсаков

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР ОБ УСЛОВНОМ ЗНАНИИ И БЕЗУСЛОВНОЙ ВЕРЕ

Аннотация: в статье социализация рассматривается как понятие, содержание которого определяется в зависимости от избираемого исследователем аспекта. Показано, что в его понимании важно исходить из положений социальной философии, социологии и социальной психологии и учитывать историю становления термина. Изложены основы тезаурусной концепции социализации.

Ключевые слова: философия, социализация, социология, психология, теории, тезаурус, общество, процесс, проблема, понимание.

Герберт Спенсер является одним из трех основателей первого позитивизма — философского течения, зародившегося в середине XIX в. в Европе. К ним относятся: Огюст Конт — во Франции и Джон Стюарт Милль и Герберт Спенсер — в Англии. Позитивизм сформировался в результате реакции на несостоятельность умозрительной философии природы, пытающейся найти конечные причины явлений. В дальнейшем возникла мысль о необходимости очищения наук от навязываемых им метафизических теорий и построения позитивной философии, как систематизатора накопленного наукой знания и создателя метода. Систематизация явлений и фиксация их отношения предлагалась вместо поиска сущности, а познание — следовало честно признать условным. Основанием для позитивизма явилась вера в науку, которая должна была бы научить человечество методам господства над природой и дать последующую возможность распорядиться полученным могуществом с точки зрения этики, ставшей на место религии. Позитивизм пришел в Англию на благоприятную почву, благодаря заложенным традициям построения научного знания на основе точных наук.

Основой построения философии Спенсера послужило учение «безусловного» шотландского философа, профессора гражданской истории эдинбургского университета Вильяма Гамильтона, представителя школы «здорового смысла».

В соответствии с философией безусловного Гамильтона, наука есть «просвещенное невеже-

ство», потому что изучает условное¹. Мы согласно его представлениям можем познать только то, что нам представляется, но никак не реальность сущности вещей. Сам процесс опытного восприятия, последующего определения и мышления, есть процесс обуславливания. Опытными воспринимаемыми нами объектами неизбежно трансформируются в соответствии с условиями воспринимающего субъекта. Поэтому любое знание наук о материи или о сознании является, в сущности, знанием об относительном существовании. Своими восприятиями, получаемыми нами от небольшого количества, обладающими определенными качествами, органов чувств мы постигаем лишь кажущуюся действительность. Сама философия по Гамильтону несет в себе функции указания на относительные способы и методы мышления, но не открывает реального существования вне познающего субъекта. Спенсер, обсуждая в «Основных началах» учение Вильяма Гамильтона признает наличие безусловного знания уже тем, что ограничивает условным сферу деятельности человеческого разума. Наше познание ограничено, согласно Спенсеру, еще и основной своей функцией сравнения между сходным и несходным. Ведь познать можно только в сравнении, в поставленном отношении. Даже о чудесном мы имеем представление только благодаря сформировавшемуся представлению о естественном. Все познаваемое находится во взаимоотноше-

¹ Hamilton W. Discussions on Philosophy and Literature, Education and University Reform. London, 1852. P. 236.

ниях, поэтому оно — необходимо относительно и ограничено. Абсолютное и Безусловное же не могут быть поставлены в отношении к чему-либо. Спенсер предлагает отодвинуть на порядок дальше то ученое неведение, которое обозначает конец всякой философии, предлагая согласиться с тем, что мы не только не можем уверенно утверждать, что абсолютное непознаваемо, но должны признаться, что не обладаем даже знанием познаваемо ли оно. Спенсер признает факт разъяснения ему основных принципов, о которых идет речь выше, Гамильтоном². Но, несмотря на преобразование в идеях Спенсера, считается, что философия Гамильтона после критики Дж.С. Милля³ утратила былое влияние.

«Религия и наука» — первая глава первой части книги «Основные начала» объясняет происхождение религии, в ней Спенсер приходит к основному выводу — если религия возникла не сверхъестественным путем, то единственной альтернативой могут быть данные человеческого опыта, остальные же предположения согласно его теории, не выдерживают критики, ведь в каждом заблуждении есть доля истины. Многие, отмечает Спенсер, признают вероятность того, что ложь заключает в себе ядро действительности, но не многие, оценивая чужое мнение, помнят об этом. Верование, окончательно пришедшее в противоречие с фактами, в окружении Спенсера отвергается с негодованием и презрением, но философ обращает внимание, что в пылу антагонизма никому не приходит в голову задать себе вопрос, что же есть такого в этом веровании, что привлекло к себе умы людей? Тем не менее, в нем существует то, что состоит в ограниченном и неточном соответствии с известными данными опыта. Даже из самого неправдоподобного повествования можно узнать действительно произошедший факт, без которого никогда не было бы и последующего его искажения. Искаженный и приукрашенный образ, отраженный в среде молвы уже не похож на действительность, но если нет действительности, то нет и приукрашенного образа. То же самое Спенсер утверждает относительно всех человеческих верований вообще. Какими бы нелепыми они бы ни казались, в конечном ито-

ге они коренятся в данных истинного опыта. А вероятность того, что принятое мнение безусловно ложно, возрастает в прямой зависимости от числа его адептов. Жизнь вообще не мыслима, по Спенсеру, без соответствия внешних обстоятельств к внутренним убеждениям. Он допускает, что убеждения, разделяемые многими, имеют основания, а устранение в общественном мнении ошибок индивидуального мнения многократно увеличивает ценность его. Философ, вставая на сторону оппонента, сам задает вопрос: мы знаем, что широко распространенная вера иногда принимаема лишь в силу авторитета, а принимающие эту веру, не проверяют ее истинность. Ведь в этом случае численность способна предоставить мало доказательств в пользу обоснования веры. На что следует ответ: если верование принимается без критики, то это доказывает, что оно находится в соответствии с другими верованиями, принявших его. А поскольку эти верования основаны на личном наблюдении и суждении, они могут гарантировать это и гармонирующими с ними мнению. Мы говорим о вере как о том, чему можем приписать большую очевидность или о том, относительно чего мы получаем впечатления неподдающиеся определению.

Одним названием «Вера», по Спенсеру, мы обозначаем два противоположных полюса знания: 1) Мы верим в то, относительно чего у нас нет доказательств, называя наши мысли о тех предметах, к которым они относятся «верой». 2) Вера есть также и сложное душевное явление, которое навсегда остается неразрешимым и которое воспринимается нами только потому, что от него нельзя никак избавиться.

Спенсер составляет подобие теории господствующих мнений. Для этого он, делая акцент на настрое ума, пытается узнать истинность средне-человеческих верований вообще. Мы должны быть свободны от подчинения общественному мнению. Факты, обнаруженные при изучении истории, подтверждают, что большинство часто ошибалось в своем мнении, но не полностью. Для всесторонности мышления Спенсер предлагает остерегаться крайности в отношении к мнению толпы. Утверждение, что религиозные идеи являются продуктом религиозного чувства, которое для своего удовлетворения создает образы, объективирует их во внешнем мире, а затем принимает их за действительность, не решает задачи, а

² Spencer H. Essays: Scientific, Political, and Speculative. P. 74. 1 vol. London, 1891.

³ Милль Дж.С. Обзор философии сэра В. Гамильтона. СПб., 1869.

лишь отодвигает ее дальше. Порождаются ли мысли желанием, или же чувство и идея имеют общее происхождение, — одинаково возникает вопрос: откуда это является? То, что оно есть составной элемент человеческой природы, это предполагается гипотезой и не может быть отрицаемо теми, кто предпочитает другие гипотезы. Если же религиозное чувство, проявляемое большинством человечества и случайно высказываемое теми, кто свободен от него, должно быть отнесено к числу человеческих чувств, то рационально мы не имеем права игнорировать его. Мы обязаны узнать его происхождение и функции. Это атрибут человеческой природы, который, не говоря об остальном, играл видимую роль, имел огромное влияние в течение всего исторического прошлого и давал жизнь множеству учреждений, служил стимулом к непрерывным спорам и регулировал бесконечное множество явлений. Всякая теория существующего, не обращая внимания на это, должна, по мнению Спенсера, считаться несостоятельной. Даже, помимо других целей, мы должны рассмотреть этот атрибут, как вопрос философии. Мы не можем отказаться от этой задачи, не обнаруживая при этом несостоятельность нашей философии.

Возможны лишь два предположения: одно признает, что чувства, соответствующие религиозным идеям, наряду со всеми другими способностями человека являются результатом специального акта творения, другое считает его вместе с прочими чувствами человека продуктом процесса развития. Если допустить первое из этих предположений, бывшее общим убеждением наших предков и принимаемое огромным большинством наших современников, то вопрос сразу можно считать решенным, человек непосредственно от самого Творца одаряется религиозным чувством, к самому же Творцу это чувство прямо и обращается. Если же принять второе предположение, то неизбежно возникают вопросы: каким обстоятельствам мы должны приписать возникновение религиозного чувства и в чем состоит его роль? Спенсер, рассматривая на основании этого предположения все способности как результат накопления видоизменений, обусловленных отношением организма к окружающей его среде, допускает, что в этой среде существуют известные явления или условия, влиянием которых на нас определяется

развитие религиозного чувства. Также он допускает, что это чувство в человеке является настолько же нормальным, как и всякие другие. На основании своей гипотезы о развитии низших форм в высшие Спенсер предполагает, что результат, к которому ведут все прогрессивные изменения, заключается в наилучшей форме приспособления к потребностям жизни. Из этого следует, что и религиозное чувство необходимо для благосостояния человечества. Оба предположения Спенсера приходят к одному выводу: непосредственное создание религиозного чувства, как и возникновение его путем медленного воздействия естественных причин ведут к тому, что мы должны признать за собой обязанность относиться с уважением к религиозному чувству. Отвечая на предполагаемый вопрос людей занимающихся наукой, которые смотрят на вещи неизвестные, как на те, которые будут открыты в будущем, Спенсер замечает, что они склонны забывать тот факт, что наше знание как бы оно не расширялось, никогда не сможет полностью удовлетворить наше стремление к познанию. Наши способности, по мнению Спенсера, могут передавать факты ложно как из-за наличия гипотезы, так из-за отсутствия гипотезы. Имея предубеждение, мы начинаем видеть вещи в таком свете, как мы о них думаем, а не таковыми, какими они являются фактически. А, не имея предвзятого мнения, мы не замечаем многое из того, что надо видеть. Поэтому очевидно, что все наши наблюдения, оказываются неполными и ошибочными. В сложных процессах и явлениях ошибочная оценка еще более усугубляется. А когда существует еще и обычное эмоциональное возбуждение экспериментатора, тогда точное наблюдение становится невозможным. Позитивное знание никогда не сможет охватить всей области возможного мышления, т.к. на самой дальней границе его всегда должен являться вопрос о том, что находится за этой границей. Далее Спенсер проводит параллель с невозможностью мыслить о границе пространства, устранив мысль о пространстве, находящемся за этой границей, как невозможные представления такого глубочайшего объяснения, чтобы нельзя было спросить, можно ли объяснить это объяснение. Философ смотрит на науку, как на расширяющуюся сферу, всякое увеличение которой происходит от соприкосновения ее с окружающим незнанием.

Ум человеческий обречен всегда размышлять над тем, что указывает на явления, как и над самими явлениями. Область сознания намного больше области, называемой знанием, в связи с чем, для ума всегда остается место в области религии. Ведь религия отличается от всего остального тем, что предметом ее является лежащее вне сферы опыта. Как бы ни казались невыдерживаемыми критики некоторые верования, как бы не были неразумны высказывания в их защиту, мы не можем игнорировать истину, заключающуюся в них. Общая вероятность того, что широко распространенные верования не лишены основания, усиливается еще и вероятностью проистекающей из факта повсеместного распространения этих верований. Само существование религиозного чувства есть еще одно важное доказательство истин веры. Незнание всегда будет существовать по Спенсеру как антитезис науки, и в нем всегда будет представлена сфера для деятельности чувства, и в нем Спенсер усматривает третий общий факт подобный двум первым. Хотя бы ни одна из религий не представляла полной истины, Спенсер признает за ней, наличие черт таковой.

Как религиозные люди посчитают нелепым защищать веру, так же как и приверженцы науки могут счесть неразумным защищать науку. Но Спенсер пишет о необходимости как того, так и другого, он описывает классы людей приверженных как к религии, так и науке, относящихся в силу различных причин с предубеждением, выражающимся в презрении и отвращении к противоположной стороне и в силу этого не замечающих истины, заключающейся в ней. Однако обе стороны не имеют рациональных оснований для подобных предубеждений. Наука, по Спенсеру, есть высшее развитие обыденного знания. Помимо всякого другого откровения, в науке, имеется истинное откровение, непрерывное обнаруживание установленного порядка Вселенной при помощи разума. «Постоянное рассмотрение общих положений религии и науки побуждает нас признать, что религия, проникающая повсюду, как основа через всю ткань истории человечества, является выражением какого-то вечного, величайшего факта, говоря же о науке, мы заключаем, что она есть систематизированная масса фактов, постоянно возрастающая и все более и более очищаемая от ошибок»⁴. Таким образом,

религия, согласно Герберту Спенсеру, указывает на великую истину, являющуюся неотъемлемой частью человеческой природы, наука же — в своем обобщении массы фактов направлена на ту же трансцендентальную истину. Если как религия, так и наука основаны на действительных фактах, то между ними, как заключает Спенсер, должно быть полное согласие, а каждая сторона должна признать за другой стояние за истины, которые нельзя игнорировать. Кто рассматривает Вселенную с религиозной точки зрения, должен видеть в науке одну часть этого великого целого, а на эту часть следует смотреть с тем же чувством, какое возбуждает и все остальное. Тот, кто рассматривает Вселенную с научной точки, должен научиться видеть в религии элемент великого целого. Такой взгляд, по мнению Спенсера, поможет каждой стороне понять другую сторону и признать, что другая сторона имеет в себе «нечто» достойное быть понятым, и с убеждением, что это «нечто» послужит основанием полного примирения.

Спенсер ставит вопрос: «Как найти это нечто и как примирить религию и науку? — такова задача, решение которой мы должны настойчиво доискиваться»⁵. Но задача, по его мнению, не в нахождении искусственного компромисса, а в том, чтобы достигнуть условий прочного мира между ними. Цель состоит в открытии истины, которую признают обе стороны с безусловной искренностью и без оговорок. Здесь не должно быть уступок или жертв сторонами уже признанного ими, а общим обоснованием должно быть то, что каждая желала бы удержать для себя. Этому могла бы послужить истина, убедительно утверждающая религию независимо от науки, а науку — независимо от религии, при защите которой каждая сторона будет находить себе союзника в другой. Вследствие соединения противоположных идей, находящихся в основе религии и науки, по мнению Спенсера, всегда достигается более высокое развитие. Мы должны стараться найти такое понятие, которое связывало бы с собой научные и религиозные выводы, т.к. от их сочетания можно ожидать важных результатов. Каждый факт имеет по Спенсеру две стороны: религиозную и научную, одна сторона отдаленная и невидимая, а другая, ближайшая и видимая.

⁴ Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1899. С. 11.

⁵ Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1899. С. 12-15.

Достигнув своей цели, мы можем глубоко изменить нашу общую теорию существования⁶. Религия и наука могут найти себе общее основание только в каком-либо отвлеченном положении, но идеи, догматы, присущие только религии, не могут служить основанием для такого согласия, потому что наука не может признать стороны верований, т.к. они лежат вне ее сферы. Отсюда Спенсер заключает, что, судя по аналогии, истина, заключающаяся в религии, есть элемент, проходящий через все ее формы, единственный, в котором религия может быть согласной с наукой. То же самое относится и к науке. Как религия не может усвоить научных положений, так же и наука не в состоянии принять религиозных доктрин. Истина, утверждаемая и наукой и религией, не может быть взята из какой-либо отдельной науки. Обобщение пространственно-временных явлений не может превратиться в религиозную идею. Если такое понятие существует в науке, то оно должно быть более общим, чем каждая из истин отдельных наук. И оно должно лежать в основании всех их. Факт, одинаково признаваемый и наукой и религией должен быть источником отдельных ветвей науки. Спенсер предполагает, что эти две великие реальности являются составными частями единого умственного мира, соответствуя двум сторонам одной Вселенной, и между ними есть коренное согласие, есть твердое основание думать, что самая абстрактная истина науки, как и самая абстрактная истина, содержащаяся в религии, должна быть истиной единой для той и другой реальности. Самый общий факт нашего умственного кругозора и будет факт, соединяющий положительный и отрицательный полюса нашего понимания, на котором сходятся наука и религия. В последующих трех главах «Основных начал» Спенсер пытается отыскать общие для науки и религии данные. В главе «Конечные религиозные идеи» Спенсер, делая много примеров и проводя аналогии, пишет, что мы не можем составить себе понимание даже о земном шаре, имея представление только о том, что лежит в непосредственной близости к нам. Понятие Земля вызывает в нас только состояние сознания, но это состояние не есть понятие в собственном смысле слова, мы узнаем при помощи косвенных ощущений, что Земля есть шар. Для большей убедительности мы создаем мо-

дели. Мы мыслим протяженную массу материи под нашими ногами или тело, подобное глобусу. Для того, чтобы вообразить существующее в действительности мы соединяем представление о земной поверхности, воспринимаемое глазами с понятием о шаре, насколько это возможно. Поэтому о Земле у нас создается не понятие этого значения, а лишь символ. Также и другие понятия, относящиеся к большим величинам, длительным периодам времени, большим числам не могут быть в действительности поняты нами и выражаются символически. Еще отдаленнее воспринимает Спенсер сходство между мыслью и вещью, если говорить о европейцах или всем человечестве. Еще более будет проявляться несходство с названными предметами, если мы заведем речь о млекопитающих или всех позвоночных вообще. Таким образом, по мере увеличения числа предметов, группируемых нашей мыслью, представление, сложившееся о немногих образцах, соединившись с понятием о множестве, становится только символом. Это происходит из-за того, что по мере увеличения мы все слабее представляем размер группы, и она становится все более разнородной. Образцы ее становятся все менее сходными со средними объектами, составляющими группу. Образование символов, неизбежно возникающее при переходе от конкретного к общему есть необходимый процесс. О предметах слишком больших и многочисленных, чтобы их можно было объять мыслью мы в состоянии либо ничего не утверждать, либо утверждать с помощью символических обобщений, крайне не соответствующих этим предметам. Но этот процесс символизации представляет опасность, т.к. может привести нас к заблуждению тем обстоятельством, что мы принимаем символические понятия за реальность, приходя к ложным выводам. Из-за несоответствия составленного нами понятия о предмете с действительностью, мы можем постоянно заблуждаться в суждениях о нем. К тому же переход от предметов легко представляемых в целом виде к предметам, которые понять мы никак не можем, почти незаметен для нас. Мы мыслим о символических понятиях, как о действительных, потому что не можем отличить одно от другого и потому что в большинстве случаев символические также хорошо служат нашим целям, как и действительные. Несовершенные представления об обычных предметах, которые мы представляем себе при мышлении,

⁶ Там же. С. 15.

развиваются в представление совершенное. Понятие о больших величинах и обширных классах могут быть проверены через косвенные процессы измерения или перечисления⁷. Так относительно Солнечной системы мы можем прийти к убеждениям, что это символическое понятие соответствует реально существующему верному выражению некоторых его составляющих отношений. Наши символические представления часто могут развиваться до полных понятий, но иногда они служат лишь ступенями к выводам, истинность которых доказывается их соответствием с наблюдениями, что рождает у нас привычку смотреть на эти понятия как на истинные представления — реальные представления действительности предметов. К тому же опыт убеждает, что символические понятия в случае нужды могут быть проверены. Благодаря этому убеждению мы приобретаем привычку принимать их без проверки.

Подводя итог, Спенсер делает вывод: что вообще все понятия бывают полными только тогда, когда атрибуты мыслимого предмета по числу и роду могут быть охвачены сознанием в одно и то же время, так что они кажутся присутствующими все вместе. В противоположность этому, в то время когда мыслимые предметы становятся обширнее и сложнее, их атрибуты, возникающие в сознании первыми, исчезают из сознания раньше, чем остальные представления. Таким образом, понятие становится несовершенным. Когда объем, сложность и разъединенность представляемого предмета становятся слишком велики, то лишь небольшая часть его атрибутов может быть мыслима одновременно и понятие о нем становится просто символом. Но и такие символические понятия необходимы в мышлении, т.к. есть законы, определяющие сложные или косвенные процессы мысли, основанные на этих символах. Когда символические понятия таковы, что сложные, косвенные процессы мысли не в состоянии убедить нас в их соответствии с действительными предметами, а также нельзя сделать и предсказаний, исполнение которых могло бы доказать их верность, такие понятия совершенно ошибочны и призрачны. Далее он находит основной жизненный элемент всех верований, который если не затрагивать их нравственный кодекс, может быть определен

как теория первопричины. Но не каждый способен заметить основное чудо — бытие мира. «У дикарей, стоящих на самой низкой ступени развития, вопрос о происхождении причины не вызывает стремления исследовать их. Только необычные явления возбуждают у них вопрос о делателе»⁸.

Из-за своего убеждения в том, что познание явлений требует опытного подтверждения, Спенсер считал, что мы не можем знать природу действительности саму по себе, некоторые части ее остаются для нас непостижимыми (это может включать познание природы пространственно-временных характеристик, силы, движения, и вещества). Он утверждал, что мы не можем знать ничего, кроме того, что основано на опыте. Мы так же не можем знать, существует ли Бог или каковы его качества. Не считая за опыт духовную религиозную жизнь, подтверждающую истинность теизма, Спенсер не принимает его, потому что, по его мнению, нет никакого средства получить познание о Боге и нет способа проверить это познание. Мы не можем узнать, верны ли религиозные верования или они не верны. В этом Спенсер следует общему направлению позитивистской правды, поддерживающей энтузиазм исследователей этого направления философии, состоящей в разграничении роли науки и религии.

Поскольку эксперимент подтверждает гипотезу лишь в области допустимой ошибки, то последней реальности наука достигать не может, в ее силах лишь условно достоверное описание опыта, и ни одна физическая теория не может претендовать, чтобы быть абсолютно верной. Сам процесс опытного восприятия, последующего определения и построения теории, есть процесс обуславливания. Поскольку утверждать то, о чем не имеешь свидетельств, значит лжесвидетельствовать, то и отрицание любой метафизики, любой априорной предустановки представлений о первоначальной природе реальности мира и бытия есть следствие установления правды позитивизма. Спенсер пишет о том, что метафизика заставляет материалистов искать земные причины сверхъестественных чудес, а людей верующих побуждает испытывать страх перед достижениями науки и утверждать находящееся за пределами опыта, бытие Божие. Несостоятельны утверждения, основанные на аргументах, выводимых из естественнонаучных теорий, касающиеся бытия первопричины. По-

⁷ Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1899. С. 16.

⁸ Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1899. С. 25.

этому позитивизм в стремлении к правде отрицает априорное знание. Поскольку, нет оснований в опыте утверждать бытие Бога, как нельзя и утверждать его отсутствие, то обсуждать это невозможно. Философию Спенсера венчает мысль о возможности примирения религии и науки через признание общей для них абсолютной непостижимости высочайшей реальности, что лежит в основе мира.

Вглядываясь во внутренний мир, исследователь ясно видит, что начало и конец сознания также невозможно постигнуть. Если исследователю и удастся истолковать все свойства вещей проявлениями Силы, то это не даст ему объяснений, что такое Сила. И чем больше думает о ней ученый, тем более не ясна для него становится ее основная природа. Ученый никогда при помощи анализа не сможет понять ощущение. В этом контексте Спенсер расценивает споры материалистов и спиритуалистов не более чем нелепость, потому что обе стороны думают и говорят о том, что находится за пределами понимания. Когда каждая из сторон встает лицом к лицу с непознаваемым, она понимает, что разум человека имеет власть только над областью, лежащей в пределах опыта и в полной беспомощности в том, что находится за пределами опыта. Спенсер отмечает, что даже мельчайший из фактов абсолютно непостижим, а за всеми вещами скрывается непроницаемая тайна⁹.

Спенсер формулирует правду позитивизма в следующем высказывании: «Разные виды философии, как и религии, ставят целью объяснение Мира, но позитивная же философия, отличается от всех других философий и религий тем, что она честно отказалась от претензии объяснять Мир»¹⁰.

Одним из решающих аргументов необъяснимости конечной природы материи-времени и пространства является, по Спенсеру, невозможность представить себе ни бесконечную делимость материи, ни существование ее неделимых частиц.

То, что первые причины происходящего во Вселенной недоступны интеллекту, подтверждается наличием невоспринимаемого, непознаваемого. Окружающие нас феномены обусловлены нашими познавательными способностями, пред-

ставляя собой проявленное в нашем сознании, но не данное нам в опыте безусловное, бесконечное. Все, что мы знаем, любая история чего-либо появляется в этом воспринимаемом, чтобы затем вновь исчезнуть в невоспринимаемом.

Вследствие многократно доказываемой Спенсером тщетности усилий познать в будущем что-либо, касающееся природы первичной силы, реальности, лежащей в основе явлений, он приходит к выводу о невозможности этого — из-за фундаментальных качеств и самой природы разума.

Разум обнаруживает свое бессилие в попытках найти ответ на высшие вопросы объективной науки. Субъективная наука показывает нам, что это бессилие является необходимым следствием законов, определяющих бытие этого разума.

Мы вынуждены считать каждое явление обнаружением какой-то силы, действующей на нас, мы не можем мыслить пределов присутствия этой силы. В сознании непостижимости вездесущей силы, пределы которой определить невозможно, мы имеем то сознание, на котором покоится религия¹¹.

«Религия всегда утверждала и распространяла величайшую истину. Истинно-религиозный элемент религии был всегда благодетелен, а то, что оказалось несостоятельным в теории и ошибочным на практике, было ее нерелигиозным элементом, от которого религия очищалась при помощи деятельности науки порожденной ею»¹². Кроме определенного сознания, законы которого формирует логика, есть еще неопределенное сознание, которое не может быть формулируемо. Кроме мыслей полных и неполных, допускающих дополнения, есть еще мысли, которые дополнить невозможно, но которые реальны как продукты разума. Спенсер подчеркивает, что каждый из многочисленно приводимых им доводов относительно нашего знания ясно предполагает положительное существование чего-то, находящегося за пределами этого относительного.

Чтобы познать первопричину, ее необходимо сопоставить и классифицировать, но она не может быть сходна по разряду ни с чем, лежащим в области чувственного опыта. Между создающим и созданным должно существовать различие, превосходящее любое различие между отдельными частями созданного. Бесконечное нельзя ставить

⁹ Spencer H. Essays: Scientific, Political, and Speculative. 1 vol. London, 1891. P. 124.

¹⁰ Там же. P. 87.

¹¹ Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1899. С. 57.

¹² Там же. С. 58.

в одну группу с конечным, иначе его пришлось бы рассматривать как конечное, что противоположно ему по наименованию. Не имеющее причины не может быть уподоблено произведенному причинно-следственной зависимостью.

Существование вещей, по Спенсеру, есть название путей, при помощи которых вещи предстают перед нашим сознанием, общий термин, объединяющий разнообразие отношений между вещами.

Абсолютное независимо от любого отношения не предполагает невозможность его существования, но только предполагает, что мы всего лишь не можем понять его для себя, как существующее. Мысль не может выйти из пределов сознания, а сознание возможно только в силу противопоставления субъекта и объекта мысли, познаваемых только в отношении и взаимоограничении. Все, что мы знаем как о субъекте и объекте, о духе или о материи является лишь знанием частного, множественного, различного, изменяющегося, феноменального в этих предметах. Философия, вообще невозможна по Спенсеру, если смотреть на нее как на нечто большее, чем наука об условных обозначениях. Наша высочайшая мудрость состоит в недоступности для философии познать как материю, так и дух. Спенсер приводит слова блаженного Августина: «Познаванием не постигается оно, непостижением познается».

Спенсер предостерегает нас от мысли, что область нашей веры совпадает с областью нашего знания, поскольку путем чудесного откровения в самом сознании нашей неспособности понять больше относительного и конечного, мы вдохновляемся верой в существование безусловного, лежащего за сферой всей постигаемой действительности¹³.

Любое мышление ограничено, т.к. все, что мы мыслим, уже в силу самого акта понимания должно быть конечным. Бесконечное же, по Спенсеру, это только название для обозначения отсутствия условий, обеспечивающих возможность мышления. Сознание возможно только в форме взаимоотношения субъекта, как сознания и объекта как предмета, о котором оно имеет сознание. Без соединения этих двух факторов сознания, по Спенсеру, нет. Следуя духу «Философии безусловного» Вильяма Гамильтона, Спенсер рассматривал процесс познания как обработку данных отношения

между феноменами, отражающими неизменно стоящую за ней абсолютную, неразложимую на части, безотносительную реальность. Научное же познание в целом для Спенсера является процедурой выделения сходных признаков относительных явлений и устранения несходных.

Способность судить о сходстве и несходстве является, по Спенсеру, последней основой всякого познания. Так как восприятия должны подвергнуться обработке для того, чтобы возникло познание, поэтому Спенсер критикует чистый эмпиризм.

Эмпиризм неправ, по его мнению, относительно индивидуума, но не относительно рода, т.к. опыт, накопленный рядом сменяющихся друг друга поколений, неизменно повторяющегося влияния, которому подвергались эти поколения, порождает реакции, образующие основу развития личности.

Обработка восприятий уже предполагает существование мерил. Последним мерилем, посредством которого мы можем сделать выбор между истинным и ложным, является принцип, заключающийся в том, что истинным не может быть самопротиворечивое суждение, а истина, по Спенсеру, есть полное согласие между нашими представлениями и нашими восприятиями. В каждом выводе и в каждом предположении мы априорно предполагаем отсутствие противоречивости, а сам этот критерий не может поэтому быть выводом из опыта.

Каждая личность должна иметь способности сравнивать между собою восприятия и делать из них выводы, а эта способность не может быть объяснена только восприятиями.

Для познания единичного индивидуума существует априорное, эта способность возникла на основе родового опыта. Отдельная личность имеет причины своей организации в родовом опыте, для которого может быть апостериорно априорное для индивидуума.

Центральным законом научного знания по Спенсеру является все тот же закон сохранения энергии, а все возможное знание подразделяется на четыре вида:

1. знание обыденное не объединенное;
2. знание научное, частично объединенное, расширяющее и систематизирующее;
3. философия, полностью объединенное знание;
4. проявления в сознании, не данного в опыте, бесконечного, безотносительного, безусловного.

¹³ Там же. С. 45.

В свою очередь философское знание подразделяется на: специально философское интерпретирующее понятия и согласующее понятия с опытными данными разных предметных областей и обще философское, проясняющее главные понятия, осуществляющее концептуальный анализ. Из проявления безусловного в сознании возникает вера как концентрат общего опыта добытого в ходе эволюции. Таким образом, научные истины, низшие по отношению к истинам философии, объединяют в свою очередь еще более узкие области познания. Спенсер многократно подчеркивает, что наука не может проникнуть в сущность вещей, а использует лишь принятые обозначения внешних явлений и их статистически устойчивые в заданных условиях отношения и связи, называемые законами. Вместо физических объектов, объектов чувственных и мысленных у Спенсера фигурируют представления, впечатления и идеи.

Согласие мысленных представлений с опытными представлениями является отображением истины. Но даже истины составляющие «Общую философию» — вещество, движение и сила есть символы, поскольку выражают не абсолютную реальность, а лишь ее действия. Философия отличается от науки, по Спенсеру, только степенью обобщенности, объединенности в ней феноменальных данных. Она есть знание наиболее объединенное, знание наивысшей степени общности, конечный продукт сбора и систематизации всех возможных элементарных наблюдений, вынесением суждений и установлением положений. Высшими своими сферами философия заканчивается в вынесении положений всеобщих в том, что все известное есть проявления непознаваемого, и в этом она вплотную подступает к истинам религиозным, имея с ними единство. Познаваемое и непознаваемое имеют свои области, знание не может монополизировать все человеческое сознание. Ум человека может пребывать в области, находящейся за пределами познаваемого. Признавая высокую значимость знания являющегося следствием концентрированного в процессе эволюции опыта, в отличие от Милля, Спенсер твердо достигает примирения априоризма с эмпиризмом. Время, как и пространство, Спенсер считает продуктом эволюции сознания. Но даже и современному человеку только движение, считает философ, позволяет иметь представление о фундаментальных понятиях времени и пространства.

Основная истина любого учения по Спенсеру заключается в том, что хотя мыслители могут расходиться в решении одной и той же проблемы, но все они одинаково принимают, что существует проблема, требующая решения и существует нечто (абсолютная сила недоступная познанию) качественно превосходящее человеческий разум.

Каждая из возможных теорий утверждает две подразумеваемые вещи: 1. Существует нечто, превосходящее понимание и требующее объяснения 2. Существует нечто объясняющее. Эта основная истина, найденная Спенсером, лежит, по его мнению, в основании всех религий и самых грубейших суеверий, она превосходит по своей абстрактности самые отвлеченные религиозные доктрины. Присутствие элемента превосходящего понимание есть не только то самое абстрактное мнение, которое свойственно всем религиям и которое проявляется отчетливее по мере развития их, и остается даже после того, как противоречащие их элементы взаимоуничтожились. Это есть то верование, которое даже самая беспощадная критика не подвергает сомнению, оно не боится самой неумолимой логики, которая всегда подтверждает, что в нем заключается глубочайшая истина, чем это предполагает любая религия¹⁴. Религии хоть и начинают признавать наличие тайны, но тотчас же пытаются дать этой тайне какое-либо объяснение, подразумевая, что это не есть тайна, превосходящая человеческое понимание. Но все объяснения логически несостоятельны, а анализ всех возможных гипотез доказывает не только отсутствие подходящей гипотезы, но и немыслимость такой гипотезы. Тайна, признаваемая всеми религиями, оказывается гораздо более трансцендентальной, чем признано в каждой из них. Это тайна абсолютна. Это конечная истина наивысшей степени достоверности, в этой истине сходятся все религии с философией, которая отрицает их частные догматы. Если религия и наука могут быть примирены, то основанием для примирения должен быть этот самый глубокий и самый обширный и самый достоверный из всех фактов, а именно факт, что сила, проявляемая вселенной, безусловно неисповедима. Но и положительный атеизм, отрицающий любую религию, признающий самосуществование пространства, вещества и движения, которые

¹⁴ Там же. С. 26.

он считает достаточными причинами всех явлений, предлагает априористическую теорию, из которой считает возможным вывести факты. Таким образом, Спенсер, воспринимая веру, как теорию первопричины и вместе с тем считая науку неспособной объяснить фундаментальные закономерности природы, пришел к заключению о непознаваемости начальных принципов, утверждая при этом, что нашел основание для достижения условий прочного, искреннего мира между религией и наукой.

Философия Спенсера красноречиво говорит об эпохе и умственной атмосфере, к которой он принадлежал. Хотя в наше время ученые, как и во времена Спенсера, все так же увлечены поиском всеобщей теории «всего», но осознание непознаваемости первопричин не меняет кардинально ценности и направления мысли философов и в XXI в., прогресс же за прошедшее столетие стал уже совсем не очевиден и двойственен, а религия все так же открыто указывает на первопричину.

Список литературы:

1. Милль Д.С. Обзор философии сэра В. Гамильтона. СПб., 1869.
2. Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1899.
3. Hamilton W. Discussions on Philosophy and Literature, Education and University Reform. London, 1852.
4. Mill J.S. An Examination of sir W. Hamilton's Philosophy. 1865.
5. Spencer H. Essays: Scientific, Political, and Speculative. 1891.

References (transliteration):

1. Mill J.S. An Examination of sir W. Hamilton's Philosophy 1865.
2. Spenser G. Osnovnye nachala. SPb., 1899.
3. Hamilton W. Discussions on Philosophy and Literature, Education and University Reform. London, 1852.
4. Mill J.S. An Examination of sir W. Hamilton's Philosophy. 1865.
5. Spencer H. Essays: Scientific, Political, and Speculative. 1891.